

С.А. СЕМЕНОВСКАЯ, Н.М. ОРЛОВА

**ТЕКСТОБРАЗУЮЩИЕ
ВОЗМОЖНОСТИ
ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ**

Часть II

Учебное пособие

2015

САРАТОВ

САРАТОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени Н.Г. Чернышевского

ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ И ЖУРНАЛИСТИКИ

С.А. Семеновская, Н.М. Орлова

**ТЕКСТООБРАЗУЮЩИЕ
ВОЗМОЖНОСТИ ЯЗЫКОВЫХ
ЕДИНИЦ**

ЧАСТЬ II

*Учебное пособие для студентов,
обучающихся по направлению
050100 – ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ,
профиль подготовки – «Филологическое образование»*

Саратов
2015

УДК 881.161.1

ББК 81

С 30

*Рекомендуют к размещению в Электронной библиотеке СГУ:
кафедра методики преподавания русского языка и литературы;
доктор филологических наук, профессор А.П. Романенко*

С 30 Семеновская С.А., Орлова Н.М. Текстоброзирующие возможности языковых единиц. Часть II: Учебное пособие. / С.А. Семеновская, Н.М. Орлова. – Саратов: [б. и.], 2015. – 50 с. – Б. ц.

Учебное пособие посвящено изучению актуальных вопросов филологического анализа художественного текста.

Часть II пособия рассматривает основные аспекты изучения индивидуально-авторского неологизма в художественном тексте. Основная цель – познакомить читателя с теоретическими и практическими вопросами изучения авторского неологизма. Затрагивается также и методический аспект изучения этого явления. Теоретический материал подкрепляется многочисленными примерами из художественных текстов.

Может использоваться в качестве основного пособия для преподавания спецкурса по русскому языку, для подготовки выпускной квалификационной работы по русскому языку соответствующей тематики, а также в качестве дополнительного учебного пособия в рамках изучения дисциплин направления «Педагогическое (филологическое) образование»: «Филологический анализ текста», «Текст и его интерпретация», «Единицы языка и их функционирование», «Стилистика».

Для студентов, обучающихся по направлению 44.03.01 (050100) «Педагогическое образование», профиль «Филологическое образование», а также учителей-словесников.

УДК 881.161.1

ББК 81

© С.А. Семеновская, Н.М. Орлова, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	4
§ 1. Индивидуально-авторский неологизм как объект изучения лингвистической науки. Индивидуально-авторский неологизм и неологизм.....	7
§ 2. Причины создания авторских неологизмов.....	13
§ 3. Признаки индивидуально-авторского неологизма.....	15
§ 4. Авторский неологизм в его отношении к языковым словообразовательным стандартам.....	27
§ 5. Об авторских неологизмах – сложных и суффиксально-сложных прилагательных.....	30
§ 6. О методическом аспекте изучения авторских неологизмов.....	36
Тексты для анализа.....	42
Библиографический список.....	47

ВВЕДЕНИЕ

Филологический анализ текста на сегодняшний день является востребованным видом учебной работы в школе и в вузе. Умение воспринимать информацию, заложенную в тексте (фактуальную, концептуальную, подтекстовую), правильно осуществлять сжатие информации первичного текста при продуцировании текста вторичного, создавать собственные тексты разных стилей и жанров – вот минимальный перечень требований, которые предъявляются и к школьнику, и к студенту-филологу, и к учителю-словеснику.

Востребованность филологического анализа текста, то есть умение понимать текст, проникать в авторский замысел, в содержание произведения через его форму (систему образов, композицию, значимые языковые детали, ритм) полностью отвечает характеру современной лингвистики в целом. На сегодняшний день можно говорить о смене научной парадигмы: центральным объектом изучения лингвистической науки становится текст. Изучение текста и – шире – речевых произведений в современном языкознании отличается многообразием подходов и научным интересом к таким актуальным вопросам, как речевые жанры, функционирование системно-языковых единиц в тексте. Нельзя не отметить, что активно развивается теория текста, разрабатывается методика анализа текстов разной стилевой и родовой принадлежности.

Пожалуй, сейчас даже сложно представить себе, что всего лишь в первой половине XX века лингвистики текста как отдельной отрасли знаний не существовало. В связи с этим следует привести слова Л.В. Щербы, чья работа «Опыты лингвистического толкования стихотворений» была одной из первых, посвященных анализу текста:

«Не без колебаний решаюсь я напечатать этот маленький этюд, в котором выступаю в значительной мере в качестве дилетанта, и чувствую, что я должен во всяком случае мотивировать эту свою решимость». Далее Л.В. Щерба сетует на то, что преподавание литературы в русских высших школах сосредоточивается на рассмотрении художественных произведений в историко-культурном и историко-литературном аспектах изучения, но в итоге обходит стороной текст как таковой [Щерба 1957]. В работах таких ученых, как А.Ф. Ефремов, Ю.М. Лотман и др., разрабатывается методология и методика анализа художественного текста. Изучение текста постепенно входит в круг основных вопросов науки о языке, хотя само понятие текст не имело четко выраженного содержания. Так, Ю.М. Лотман подчеркивал, что «...понятие “текст” употребляется неоднозначно. Можно было бы составить набор порой весьма различающихся значений, которые вкладываются различными авторами в это слово. Характерно, однако, другое: в настоящее время это, бесспорно, один из самых употребимых терминов в науках гуманитарного цикла. Развитие науки в разные моменты выбрасывает на поверхность такие слова; лавинообразный рост их частотности в научных текстах сопровождается утратой необходимой однозначности. Они не столько терминологически точно обозначают научное понятие, сколько сигнализируют об актуальности проблемы, указывают на область, в которой рождаются новые научные идеи» [Лотман 1998: 423]. Все это было еще совсем недавно: для развития науки даже один век – это не самый большой срок.

Проблема выработки единого алгоритма работы с разными видами текстов не является новой для лингвистики и для филологии в целом. Методика лингвистического анализа текста была предложена еще К.Д. Ушинским в его «Первоначальной практической грамматике», где он использовал универсальный способ формирования у детей языкового мышления – наблюдение над явлениями, органически сосуществующими в тексте. Этот метод включает всестороннее исследование лексического значения слов, синтаксических конструкций, классов слов, их структурных, морфологических и фонетических свойств. В работах Л.В.Щербы, В.В.Виноградова, Г.О.Винокура, В.М. Жирмунского, М.М. Бахтина, Ю.Н.Тынянова,

Г.А. Гуковского, Б.А. Ларина, Ю.М. Лотмана, Н.М. Шанского закладывались основы целостного филологического анализа. Необходимость такого анализа, как бы ни определялись его частные задачи, не подвергалась сомнению истинными филологами. Понять смысл текста – это значит понять идею каждого из его компонентов в их синтезе, в системной взаимосвязи. Текст должен восприниматься не как механическая сумма составляющих элементов, поскольку их отдельность теряет абсолютный характер и каждый элемент реализуется лишь в отношении к другим элементам и структурному целому всего текста.

Учебное пособие состоит из двух частей, которые объединены понятиями *слово* и *текст*. В первой части учебного пособия основное внимание уделялось специальной лексике в художественном тексте. Во второй части объектом исследования является авторский неологизм, который рассматривается с позиций его признаков, отношения к языковым словообразовательным стандартам, функционирования в тексте. Уделяется внимание и методическому аспекту изучения авторских неологизмов: в учебники по русскому языку, ориентированные на старшие классы средних общеобразовательных школ, постепенно проникает информация и об авторских неологизмах (в разделы «Морфемика и словообразование» и «Лексика»).

Практические задания призваны привить студентам навыки анализа авторских неологизмов с точки зрения их словопроизводства, соответствия/несоответствия языковым словообразовательным стандартам, а также функционирования в тексте.

§ 1. ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКИЙ НЕОЛОГИЗМ КАК ОБЪЕКТ ИЗУЧЕНИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ НАУКИ.

ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКИЙ НЕОЛОГИЗМ И НЕОЛОГИЗМ

Чтобы понять, что такое индивидуально-авторский неологизм, рассмотрим один из поэтических текстов, в котором можем увидеть это явление.

И. Северянин
НАВЕРНЯКА

*Я чувствую наверняка –
Ах, оттого и боль сугуба! –
Что прозы подлая рука
Весь этот лес повалит грубо
Когда-нибудь.*

*Когда-нибудь.
Не будет зарослей над речкой.
И станет выглядеть увечкой
Она, струя отбросов муть
Взамен **форельности** кристальной
Своей теперешней.*

*Дубы
Пойдут банкирам на гробы,
И парк мой, **глубоко-печальный**,
Познав превратности судьбы,
Жить перестанет, точно люди,
И будет гроб ему – пустырь.
И только ветер вечно будет
Ему надгробный петь псалтирь...
(1923)*

Выделенные слова незнакомы. В отличие от остальных слов, использованных в этом стихотворении, мы вряд ли что-то найдем о них в лексикографических источниках. Обратитесь к самому подробному толковому словарю – и он не даст вам ответа на то, кто такая «увечка», или что такое «форельность», или какой это «глубоко-печальный», хотя вы и сами наверняка можете определить смысл и коннотативное значение этих слов, опираясь на мотивы этого произведения и на контекст, в котором данные слова «живут». Вместе с тем вы наверняка заметили, что эти слова способствуют созданию художественного образа. Так, например, *кристальная форельность* противопоставлена «увечности» речки, которая струит *отбросов муть*, а пустеющий парк, в котором вырубают деревья, становится *глубоко-печальным*, чувствующим свою близкую кончину. Слова, на которые мы с вами обратили внимание, и есть индивидуально-авторские неологизмы. Попробуем дать определение этому понятию.

Индивидуально-авторским неологизмом называется слово, отсутствующее в общезыковой практике, имеющее основания быть приписанным конкретному автору и выполняющее в тексте определенные функции (в основном, служащее для выражения смыслов и коннотаций).

Следует отметить, что в явление это в научной литературе именуется по-разному. В работах, посвященных словотворчеству и языковой игре, можем встретить следующие термины: *авторский неологизм*, *индивидуально-авторский неологизм*, *индивидуально-авторское новообразование*, *неузуальное слово*, *окказиональное слово*, *окказионализм*, *вербоид* (термин Н.М. Шанского), *слово-метеор*, *слово-самоделка*, *эгологизм* и другие, более или менее удачно и точно отражающие сущность изучаемого явления. Термины эти подчеркивают разные признаки изучаемого явления. Одни из них (*эгологизм*, *авторский неологизм*, *индивидуально-авторский неологизм*, *индивидуально-авторское новообразование*) подчеркивают то, что такие единицы имеют автора, другие (*окказионализмы*, *слова-метеоры*) подчеркивают «одномоментность» и «случайность» их появления и функционирования в тексте, третьи (*неузуальные слова*, *вербоиды*) отграничивают такие слова от слов канонических, узуальных,

подчеркивают, что авторский неологизм является результатом **речетворческого** процесса и претендует на то, чтобы быть приписанным тому или иному конкретному носителю языка, а слово является единицей **языка**. Авторский неологизм – «слово» в том смысле, что, как и каноническое слово, имеет значение, фонетическую и грамматическую оформленность, семантическую валентность, но в то же время в силу самой своей специфичности, с одной стороны, лишен ряда признаков, характеризующих слово, а с другой – имеет ряд признаков, отличающих его от слова. В данном пособии мы будем использовать термин **авторский (индивидуально-авторский) неологизм** для именованя изучаемого явления. Сразу оговоримся, что в научной литературе наиболее часто для такого рода явлений употребляется термин **окказионализм**. Это мотивируется тем, что такие слова создаются «по случаю» (*occasio lat.* – случай), что они не претендуют на то, чтобы войти в языковую систему, и, наконец, подчеркивается, что этот термин сам по себе краток. Однако, на наш взгляд, его использование в таком общем значении влечет за собой определенную путаницу, т.к. окказионализмом же часто называют те авторские неологизмы, которые созданы либо по малопродуктивным словообразовательным типам, либо с серьезными отклонениями от действующих в языке словообразовательных моделей. Во избежание этого мы будем использовать в качестве общего названия исследуемых явлений термин **авторский неологизм**, а в рамках этого понятия (а не синонимично ему, как это часто можно увидеть в научной литературе соответствующей тематики) будем употреблять термин **окказиональное слово (окказионализм)**.

Попутно отметим и еще одно расхождение в терминологии. В научной литературе фигурируют два термина, имеющие самое прямое отношение к изучаемому явлению: **словотворчество и словообразовательная игра**. Следует иметь в виду, что под словотворчеством понимается собственно создание авторских неологизмов тем или иным носителем языка (чаще всего при их изучении имеем дело с писателями и поэтами), а словообразовательная игра, помимо словотворчества, включает в себя и другие приемы: например, «нанизывание» в тексте узуальных слов, имеющих

однотипную словообразовательную структуру и проч. В качестве примера можно привести стихотворение М. Цвтаевой:

*Рас-стояние: версты, мили...
Нас рас-ставили, рас-садили,
Чтобы тихо себя вели,
По двум разным концам земли.
Рас-стояние: версты, дали...
Нас расклеили, распаяли,
В две руки развели, распяв,
И не знали, что это – сплав
Вдохновений и сухожилий...
Не рассóрили – рассорíли,
Расслоили...
Стена да ров.
Расселили нас, как орлов-
Заговорщиков: версты, дали...
Не расстроили – растеряли.
По труппам земных широт
Рассовали нас, как сирот.
Который уж – ну который – март?!
Разбили нас – как колоду карт!*

При изучении авторского неологизма следует отграничить его от смежных явлений, таких, например, как собственно **неологизм**, поскольку, казалось бы, термины **авторский неологизм**, и **неологизм** как таковой применяются по отношению к явлениям, отсутствующим в коллективной языковой практике и, следовательно, в этом смысле сходным.

По справедливому замечанию Н.Г. Бабенко, основное отличие неологизма от индивидуально-авторского неологизма заключается в том, что авторский неологизм является речевым явлением, а неологизм – новым словом в языке. При этом, если индивидуально-авторские неологизмы «...появляются в речи говорящего или пишущего в данной речевой ситуации, создаются художником слова в данном тексте и не рассчитаны на широкое распространение и закрепление в узусе, то неологизмы создаются для наименования нового предмета или явления

внеязыковой действительности и рассчитаны на последующее закрепление в лексической системе языка» [Бабенко 1997: 4]. Этот факт вовсе не опровергается тем, что иные индивидуально-авторские неологизмы все же попадают в лексическую систему языка и даже становятся общеупотребительными словами. Наоборот, такие примеры, будучи исключениями, лишь подтверждают правило. Классическим примером такого рода является история вхождения в русский язык слова *бездарь*. Слово это было создано Игорем-Северяниным – поэтом-эгофутуристом Серебряного века:

И. Северянин

ОПЕЧАЛЕННАЯ ПОЭЗА

(Ответ Валерию Брюсову на его послание)

*Я так устал от льстивой свиты
И от мучительных похвал...
Мне скучен королевский титул,
Которым Бог меня венчал.*

*Вокруг – талантливые трусы
И обнаглевшая **бездарь**...
И только вы, Валерий Брюсов,
Как некий равный государь...*

*Не ученик и не учитель,
Над чернью властвовать устав,
Иду в природу, как в обитель,
Петь свой осмеянный устав...*

*И там, в глуши, в краю Олонца,
Вне поощрений и обид,
Моя душа взойдет, как солнце,
Тому, кто мыслит и скорбит.*

(1912)

Впервые появившись *именно* в этом стихотворении, слово *бездарь* неоднократно воспроизводится самим И. Северяниным. Так, В.В. Никульцева в «Словаре неологизмов Игоря-Северянина» отмечает 14 употреблений этого индивидуально-авторского неологизма, причем на основе семного анализа даже считает возможным выделить два значения этого слова: 1. *Собир.* Бездарные, бесталанные люди, заурядная толпа. 2. *Презрит.* Бездарность, посредственный писатель. Первое значение, по мнению В.В. Никульцевой реализовано, в частности, в приведенном выше стихотворении, а второе – в таких, например, северянинских строках (поэма «Роса оранжевого часа»):

*Пусть я собой не буду, пусть
Я окажусь совсем **бездарью**,
Коль в строфах не осветозарю
И пламенно не воспою
Весну полярную свою!*

Хотя и в «Опечаленной поэзе», на наш взгляд, есть значение слова *бездарь* как бездарный ‘писатель’.

Но интересно другое. Авторский неологизм *бездарь* проникает в литературный язык. В Толковом словаре русского языка под ред. Д.Н. Ушакова (т. 1) мы находим это слово, хотя в словарной статье даны сведения о принадлежности его конкретному автору:

БЕЗДА’РЬ, и, *мн.* нет *ж.*, *собир.* Бездарные люди. Слово пущено в ход Игорем Северянином: *Вокруг талантливые трусы и обнаглевшая б.* || То же, что и бездарность во 2 знач. (разг.). *Это не работник, а б.*

(*Бездарность* во 2 значении, согласно данным этого словаря, – это ‘лишенный таланта человек, тупица’).

Дальше – больше. То же самое слово находим в т. 1 четырехтомного Словаря русского языка (МАС):

БЕЗДАРЬ и (устар.) **БЕЗДА́РЬ**, -и, ж. Разг. То же, что и бездарность (во 2 знач.). *Может быть, Пастухов просто тупица, самонадеянный дурак и бездарь?* Федин, Первые радости (*Бездарность* во 2 значении, согласно данным этого словаря, - 'о бездарном человеке').

Как видим, на этот момент слово уже утратило автора и даже приобрело иной, в сравнении с исходным, вариант произношения, а исходный уже квалифицируется как устаревший.

Итак, возможны отдельные случаи перехода авторского неологизма в узуальные слова, но в целом у авторского неологизма и собственно неологизма изначально разные установки: первый служит, в основном, эстетическим задачам, а второй – выполняет номинативную функцию. Со временем неологизм способен стать общеупотребительным словом и даже устареть и перестать употребляться, но авторский неологизм, как правило, не подвержен такому старению.

§ 2. ПРИЧИНЫ СОЗДАНИЯ АВТОРСКИХ НЕОЛОГИЗМОВ

Изучая авторские неологизмы, да и просто находя их в художественных и публицистических текстах, мы не можем не задаться вопросом о том, что побудило автора обратиться к такому способу выражения смыслов и коннотаций. Вопрос о причинах словотворчества остается в науке открытым, поскольку они продиктованы временем и особенностями языковой личности автора. И все же можно сформулировать наиболее типичные из них.

Вероятно, самой первой и главной причиной обращения к словотворчеству является стремление к языковому новаторству, желание автора сказать и написать не так, как это делалось ранее. В.Г. Костомаров по этому поводу пишет: «Популярная сейчас настроенность на изобретательство, на поиск невиданного лучше всего ощутима в словопроизводстве. Возможными оказываются самые причудливые образования [Костомаров 1999: 45]. Стремление к такого рода проявлению авторского «я» наблюдается как в художественных,

так и в публицистических текстах. Современная публицистика пестрит авторскими неологизмами, причем часто они выносятся в заглавие статьи, где находятся в минимальном непосредственном контекстном окружении, а то и вовсе без него. Например. см. заголовки газетных статей: «Автоопричина», «АВТОритеты», «Боленеутоляющие», «Бутырброд», «ВДНХа-ха-ха», «Геббельсята», «Грэммыгнуло», «обТЭФИлись», «Пугачевоизнурение» и т.д. [см. Комлева 2013].

Еще одна причина (связанная с предыдущей) – стремление деавтоматизировать сознание читателя, привлечь внимание к содержанию текста. Опять-таки в публицистических текстах последних лет эта причина является побудительной для создания авторских неологизмов. Вместе с тем, вряд ли найдется читатель, которые не «споткнется» о такие, например, строчки:

*В незабудковом вуальном платье,
С белорозой в блондных волосах
Навещаешь ты в седьмой палате
Юношу, побитого в горах...
И когда стеклянной галереей
Ты идешь, улыбка и легка,
Зацветают, весело пестрея,
Под ногой цветы половика.
Льется в окна ароматный рокот...
Ты вздыхаешь с музыкой в лице
Птичье пенье, - и смущенный доктор
Мнет в руке написанный рецепт...
А больной, разматывая марлю,
Не умея чувств своих скрывать,
Отставляя рюмку с Беникарло,
Проклинает скучную кровать...
И весенней девушкой **омаен**,
Упоен девической весной,
Талию твою слегка сжимая,
Хочет жить больной!*

Важная причина обращения к словотворчеству – поиск новых средств для выражения оттенков смыслов и коннотаций. Правда, следует отметить, что у каждого мастера слова имеется свой «арсенал»

излюбленных средств. Не все они прибегают именно к авторскому словотворчеству, предпочитая использовать иные средства создания образности. Можно назвать авторов, которые являются активными словотворцами (Вл. Маяковский, И. Северянин, К. Бальмонт, М. Цветаева, Е. Евтушенко, Ю. Поляков и др.). Вместе с тем можно говорить о том, что многие авторы вообще или почти не используют эти возможности языковой системы.

Стремление более кратко передать то, что в языке передается описательно. Так, например, в поэме И. Северянина «Колокола собора чувств» используется авторский неологизм *курсиса*, в котором скрыта целая ситуация: курсистка Сонка выступает в роли актрисы, читая со сцены стихи. так возникает слово *курсиса*: *курсистка* + *актриса*. Или еще пример (снова из Северянина): *грустыня* – место, где грустно и одиноко (*грусть* + *пустыня*).

Таким образом,

§ 3. ПРИЗНАКИ ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКОГО НЕОЛОГИЗМА

Какими же признаками характеризуется авторский неологизм? Как правило, перечисляя его признаки, исследователи используют перечень, составленный А.Г. Лыковым с явной, подчеркнутой самим автором этого перечня отсылкой к признакам слова, изложенным в «Лексикологии современного русского языка» Н.М. Шанского. Напомним, что основные признаки слова, по Н.М. Шанскому, сводятся к следующим:

- 1) фонетическая оформленность,
- 2) семантическая валентность,
- 3) непроницаемость,
- 4) недвуударность,
- 5) лексико-грамматическая отнесенность,
- 6) постоянство звучания и значения,
- 7) воспроизводимость,
- 8) цельность и единооформленность,
- 9) преимущественное употребление в сочетаниях слов,
- 10) изолируемость,

- 11) номинативность,
- 12) фразеологичность [Шанский 2007: 21].

Авторский неологизм обладает многими из перечисленных признаков канонического слова. Именно на фоне этих признаков, интегрирующих каноническое слово и новообразование, видна специфика последнего. Дифференцирующими для индивидуально-авторских неологизмов являются признаки:

- 1) словообразовательная производность,
- 2) принадлежность к речи,
- 3) индивидуальная принадлежность,
- 4) разовость употребления,
- 5) невозпроизводимость,
- 6) ненормативность,
- 7) экспрессивность,
- 8) номинативная факультативность
- 9) синхронно-диахронная диффузность [Лыков 1976: 10].

По логике вещей, при наличии дифференцирующих признаков слова и индивидуально-авторские новообразования должны строго разграничиваться. Во многих случаях это и происходит. Мы, например, с большой степенью уверенности можем сказать, что *проборчатый* (от *пробор*) И. Северянина или *беспланетный* К. Бальмонта – индивидуально-авторские слова, тогда как, например, *бахромчатый* или *безуспешный* – слова канонические. Мы утверждаем это, несмотря на то, что лексические единицы в парах *проборчатый* – *бахромчатый* или *беспланетный* – *безуспешный* «скроены» по одному и тому же образцу: по данным академической грамматики, и индивидуально-авторское новообразование И. Северянина *проборчатый* («...*проборчатый, офранченный картавец...*»), и каноническое слово *бахромчатый*, имеют словообразовательное значение ‘обладающий внешним признаком, названным мотивирующим существительным’, а новообразование К. Бальмонта *беспланетный* («*И мечты твои будут беспланетны, беззвездны...*»), так же, как и каноническое слово *безуспешный*, имеет значение отсутствия того, что названо мотивирующим существительным.

Однако на практике нередко выясняется, что не каждое индивидуально-авторское новообразование обладает полным набором

признаков, отличающих его от канонического слова. Это заставляет нас в значительной мере пересматривать свои взгляды на индивидуально-авторский неологизм как «нестандартное» (в отличие от слова) явление.

Словообразовательная производность – авторский неологизм является результатом соединения хотя бы двух морфем, например: *камамбер-н-о* (нареч.), *за-обладать*, *фуришет-и(ть)-ся* и т.д. Это вполне справедливое замечание, но следует отметить, что касается оно только тех авторских неологизмов, которые в науке принято называть «лексическими окказионализмами». Между тем, уже в ранних работах, посвященных словотворчеству, отмечается, что авторский неологизм может опираться не только на словообразовательные типы и «образцы», но и на ресурсы других языковых подсистем. В этой связи можно говорить о следующих типах авторских неологизмов.

1. **Фонетические авторские неологизмы.** Они возникают в тех случаях, когда автор в качестве результата словотворчества демонстрирует использование в тексте некоего звукового комплекса, по своим фоносемантическим характеристикам претендующего на выражение определенных смыслов, коннотаций, ассоциаций. Примером может послужить пятистишие, впервые опубликованное в 1913 г в брошюре В. Хлебникова и А. Крученых «Слово как таковое», включавшей в себя манифест с одноименным названием, а также футуристические стихи, подкреплявшие собой его теоретические положения. По словам авторов, «у писателей до нас инструментовка была совсем иная, например:

По небу полуночи ангел летел

И тихую песню он пел...

Здесь окраску дает бескровное пе... пе... Как картины, писанные киселем и молоком, нас не удовлетворяют и стихи, построенные на

па-па-па

пи-пи-пи

ти-ти-ти

и т.п.

Здоровый человек такой пищей только расстроит желудок. Мы дали образец иного звука и словосочетания:

дыр, бул, щыл,

убещур

скуп
вы, со, бу,
р л эз

(Кстати, в этом пятистишии более русского национального, чем во всей поэзии Пушкина)»¹.

В тексте могут встречаться одиночные фонетические авторские неологизмы; нередко и сам текст в целом представляет собой результат фонетических экспериментов авторов и даже глоссолалии, как в данном случае.

2. Лексические авторские неологизмы. Это авторские неологизмы, являющиеся результатом словообразовательного процесса и образованные каким-либо морфологическим способом (по В.В. Виноградову). Чаще всего, именно такие новообразования являются объектами изучения: их на сегодняшний день уже зафиксировано большое количество как в художественных текстах (поэзии и прозе), так и в публицистике, и в рекламных текстах.

3. Семантические авторские неологизмы. Это слова, которые в тексте приобретают приращения смыслов, существенно меняющие исходную семантику данного слова, например: «...*другой мужчина, военный, скакун на лошади, его звали Вронский, не может сразу сказать Анне Карениной о своих чувствах, а она ему*» (А. Слаповский, «Победительница»). Героиня романа, женщина преклонных лет, теряющая память и забывающая родной язык, пытается вспомнить слово *наездник*, но вместо этого употребляет слово с исходным значением 'скаковая лошадь', коренным образом изменив при этом его семантику.

4. Грамматические авторские неологизмы – это присвоение каноническому слову грамматической формы, которая отсутствует в его языковой парадигме, как, например, в стихотворении И. Иртеньева «Пастораль»:

*Гляжу в окно. Какое буйство красок
Пруд – синь, лес – зелен, небосклон – голуб.
Вот стадо гонит молодой подпасок,
Во рту его золотой сияет зуб.*

¹ Хлебников В., Крученых А. Слово как таковое. – М., 1913.

Нестандартность выделенного слова заключается в том, что в системе языка прилагательное *голубой* не имеет краткой формы, хотя и является качественным, что, в принципе, делает потенциально возможным наличие такой формы (один из признаков качества заключается в том, что оно в принципе может проявляться вообще или проявляться в данный момент, что и выражается полной и краткой формами).

К авторским неологизмам можно отнести также нестандартные (оказиональные) сочетания слов, в которых особую группу составляет языковая игра с устойчивым сочетанием слов, например:

Дородный бык мычал в недоуменьи:

«Ярмо... труд в поте морды... О Эдем...»

(Саша Черный. Несправедливость)¹.

Фразеологизм *труд(иться) в поте лица* трансформирован в *труд(иться) в поте морды*, что в данном случае объясняется содержанием стихотворения: применительно к животным слово *лицо* употребляться не может.

Индивидуальная принадлежность. Признак индивидуальной принадлежности, несмотря на его кажущуюся очевидность, также может представляться сомнительным. Квалифицируя некое «слово» как индивидуально-авторское новообразование, мы вынуждены руководствоваться принципом «его нет в словарях». Между тем понятно, что даже самые объемные толковые словари не включают в себя всего лексического состава языка. Чтобы абсолютно точно установить авторство, мы должны были бы, вероятно, иметь исчерпывающие данные по всей совокупности речевых произведений (причем как в устной, так и в письменной форме) всех носителей русского языка, что, разумеется, невозможно. И все-таки, квалифицируя ту или иную единицу как индивидуально-авторское новообразование, мы имеем в виду его индивидуальную принадлежность и даже с большой долей вероятности можем указать имя его автора.

На практике установить авторство бывает непросто. Дело в том, что одни и те же новообразования могут встречаться в текстах разных авторов. Некоторые случаи таких повторов можно, пожалуй,

¹ Пример взят из: Еськова Н.А. О языковой игре (на примере фразеологизмов со словом *лицо* //Русский язык. – 2014. – № 15. <http://rus.1september.ru/article.php?ID=200103705>

объяснить личным знакомством авторов, или отношением одного автора к другому как «учитель и ученик», или принадлежностью их творчества к одному и тому же периоду литературного процесса или литературному течению. Именно так – хотя бы отчасти – можно, вероятно, объяснить наличие идентичных новообразований *сонь* в текстах Н. Гумилева («*Закричал громко-гласно в сине-черную сонь на дворе моем красный и пернатый огонь*») и И. Северянина («*Какая сонь! Какая тишина!*»). Аналогичный пример - новообразование *сочь* в тексте И. Северянина («*Как сочь июльская, полна она желаний...*») и С. Есенина («*Бедна наша родина кроткая в древесную цветень и сочь...*»). Впрочем, даже в таких случаях, думается, «виноваты» и собственно лингвистические факторы: на наш взгляд, вполне справедливо замечание О.Г. Ревзиной о том, что такие идентичные новообразования в текстах разных авторов могут свидетельствовать об укорененности в сознании носителя языка самой словообразовательной модели [см. Ревзина 1998].

Некоторые случаи совпадения индивидуально-авторских новообразований в текстах разных авторов вообще сложно объяснить внеязыковыми причинами. Так, например, вряд ли можно исчерпывающе объяснить причинами, связанными с внеязыковой обстановкой, и возникновение новообразования *озерность* в стихотворении И. Северянина 1928 г. («*Я вспомнил девушек в домах многоэтажных / И женщин с этою озерностью в глазах...*») и статье Г. Кружкова 1999 г. («*Тематических параллелей найдется немало, кстати придутся и переводы, аллюзии из Саути, Вордсворта, Кольриджа... Можно рассмотреть пушкинскую “озерность” и в более широком, метафорическом плане*»).

Таким образом, и признак индивидуальной принадлежности во многих случаях остается спорным.

Разовость употребления и невозпроизводимость – два тесно связанных между собой признака, поскольку авторский неологизм, в отличие от канонического слова, не извлекается «в готовом виде» из языкового сознания, то есть не воспроизводится, а творится. В этом смысле примечательны слова А.Г. Лыкова о том, как следует понимать

воспроизводимость. «Некоторые исследователи¹, – пишет он, – полагают, что воспроизводимость характерна не только для канонических, но и для окказиональных слов, поскольку последние могут извлекаться из памяти, произноситься вслух как воспоминание прочитанного или услышанного, фиксироваться повторно на бумаге, быть предметом анализа и т.п. Но есть принципиальная разница между подлинной воспроизводимостью канонических слов и мнимой воспроизводимостью окказионализмов, которую мы называем повторяемостью. Окказиональные слова, в отличие от канонических, не воспроизводятся, а повторяются, именно «цитируются» с какой-либо целью, например, при чтении наизусть какого-либо произведения, содержащего окказионализмы. С чисто лингвистической точки зрения нет принципиальной разницы между повторным употреблением окказионализма в связном тексте и повторном прочтении какой-либо книги (текст которой является речевым произведением)» [Лыков 1976: 12-13].

Итак, цитируемость авторского неологизма вовсе не равна его воспроизводимости. Это положение особенно актуально в наше время, когда количество употреблений той или иной лексической единицы можно легко установить благодаря средствам информационно-коммуникационных технологий. Вряд ли по количеству гиперссылок, выходящих на текст с употребленным в нем авторским неологизмом, можно судить о воспроизводимости этого авторского неологизма. Другое дело – это случаи, когда одно и то же индивидуально-авторское новообразование встречается в словотворчестве одного и того же автора несколько раз.

Приведем примеры. Новообразование *влажь* И. Северянина используется автором, как минимум, три раза:

- 1) «...где моря *влажь* милей, чем твердь»;
- 2) «Нас безлошадий экипаж / Вез через горы, через *влажь*»;
- 3) «... аккуратно вытер/ Отроманировавший немец пыль и *влажь*».

¹ Прежде всего, А.Г. Лыков имеет в виду работу А.И. Смирницкого «Объективность существования языка» и даже ссылается на некоторые ее фрагменты. Даем здесь и эту ссылку: [см. Смирницкий 1954: 29-30].

Новообразование *хрупот* употребляется Северяниным по меньшей мере в двух контекстах:

1) «У ограды монастырской столбенел злоеще инок, / Слыша в *хрупоте* коляски звуки «нравственных пропаж»;

2) «...их слова заглушаются *хрупотом* шин».

Можно ли утверждать, что в этом и других случаях автор всего лишь «цитирует сам себя»?

На наш взгляд, приведенные примеры (их ряд можно продолжить) наводят на мысль, что признак воспроизводимости / невоспроизводимости новообразований можно трактовать двояко:

а) воспроизводимость / невоспроизводимость авторского неологизма в языковой системе,

б) воспроизводимость / невоспроизводимость авторского неологизма в текстовой ткани произведений того или иного автора.

Вероятно, такая неоднозначная трактовка признака воспроизводимости / невоспроизводимости новообразования объясняется сложной природой текста, в котором оно функционирует. Текст – «речевой продукт функционирования языковых средств, характеризующийся двойной системностью, в основе которой лежит не только ориентация на узус, но и на отражение картины мира автора как языковой личности, имеющей свой лексикон, семантикон, прагматикон» [Болотнова 2007: 109; см. также Кожина 1977: 43]. С этой двойной системностью мы и сталкиваемся, когда наблюдаем многократное появление одного и того же новообразования в текстах автора. Порой оно настолько укрепляет свои позиции в тексте, что на его основе автор создает новые индивидуально-авторские новообразования. Так, например, на базе новообразования *улыбный* («Я - милый, белый, улыбный ландыш...») И. Северянин создает новообразование-существительные *улыбрь* («Ты - сплошная хрупь, ты вся улыбрь»), а затем и новообразование-наречие *улыбно* («Но к часу вечернему солнце / Улыбно уходит домой»). Но, несмотря на то, что в авторском лексиконе новообразование *улыбный* явно закреплено, с точки зрения ориентации на узус оно не является каноническим словом.

Другое дело – те индивидуально-авторские новообразования, которые в силу неких причин вошли в лексическую систему языка. Случаи, подобные северянинскому *бездарь*, нечасты, но все же

встречаются в языке. Такие слова перестают быть авторскими неологизмами, теряют признаки разовости употребления и невоспроизводимости, равно как и признак индивидуальной принадлежности.

Ненормативность – самый, пожалуй, спорный признак авторских неологизмов, хотя в научных работах, посвященных этому явлению, признак ненормативности присутствует обязательно. В самом деле, что считать под ненормативностью новообразования? Само возникновение новообразования – слова, которое до сих пор отсутствовало в языковой практике и которое, возможно, никогда в лексическую систему языка не войдет? Или же ненормативность новообразования – это то, как (с нарушением или без нарушения словообразовательных стандартов) создано это новообразование? Вопрос эти вполне закономерны, учитывая то, что индивидуально-авторские новообразования, с одной стороны, очень часто воспринимаются как «свежие» и непривычные даже в том случае, если они вполне «грамотны» с точки зрения соответствия языковым словообразовательным моделям.

Это приводит нас к мысли о том, что в любом индивидуально-авторском новообразовании, созданном морфологическим способом словопроизводства, следует различать в них два плана:

1) «словообразовательная грамматика» (собственно модель, по которой создано новообразование)

2) «словообразовательная лексикология¹» (в нашем случае это лексическое наполнение модели, по которой создано новообразование, функционирование новообразования, коммуникативный эффект, который оно дает).

Таким образом, ненормативность индивидуально-авторского новообразования носит двойкий характер, что отмечается рядом ученых. Так, например, Н.А. Янко-Триницкая считает, что «...оказиональное для лексики может быть совсем не оказиональным для системы словообразования ... и, наоборот, обычное для лексики, общеупотребительное может выпадать из системы словообразования» [Янко-Триницкая 1963: 94]. Весьма знаменательно и высказывание Эр. Ханпиры, который заметил, что «появление в речи слова, формы

¹ Разделение этих двух планов намечено еще в работе Л.В. Щербы «Очередные проблемы языковедения» [см. Щерба 1945].

слова или значения и т.д., неизвестных доселе языку, можно назвать нарушением правильности (соответствия норме), если признать, что репертуар слов, форм слов, значений – это составная часть понятия «норма». При этом может получиться так, что нарушена лексическая норма (образовано слово, не числящееся в репертуаре лексических средств языка, ... но не нарушена словообразовательная норма (то есть слово образовано по языковой словообразовательной модели)» [Ханпира 1966:156].

Исходя из этого, следует различать нормативность/ненормативность самих индивидуально-авторских новообразований (как неузальных слов в отличие от слов общеупотребительных) и нормативность/ненормативность образцов, по которым эти слова созданы.

Следует отметить, что в разных научных работах, посвященных исследованию индивидуально-авторского новообразования, акцент делается то на одном, то на другом его плане. Если рассматривать индивидуально-авторские новообразования с точки зрения их стилистического резонанса в тексте, то интерес будет представлять именно «лексическая сторона» индивидуально-авторского новообразования и его функционирование в тексте. Если же акцентировать внимание на том, как в неузальных словах, несмотря на всю их необычность, реализуются словообразовательные законы языковой системы, то интерес будет представлять именно словообразовательная грамматика неузального слова. Поэтому по своему правы те, кто утверждает, что неузальное слово – это всегда новообразование, формирующееся в результате словообразовательных процессов, вследствие чего именно признаки, указывающие на связь со словообразованием, являются для него наиболее существенными. «Признаки же семантического и функционального плана являются как бы результатом и следствием словообразования» [Гольцова 1993: 83]. В то же время правы и те, кто считает, что «эстетически значимое (разрядка моя – С.С.) авторское речевое новообразование является достойным... описания вне зависимости от того, насколько близко оно к узусу, норме» [Бабенко 1997]. Итак, во многих случаях так называемая «ненормативность» новообразования – понятие весьма относительное: ненормативность в лексике и

ненормативность в дериватологии отнюдь не тождественны. Так, например, вряд ли можно назвать ненормативными с точки зрения словообразовательных стандартов индивидуально-авторские новообразования *звездность, беспланетный, многопенный, стеклокрылый, бестревожно* К. Бальмонта или *прямоть, весень, юнь, картиночный, бутончатый, олуנית* И. Северянина, и множество других новообразований этих и иных авторов. Тем не менее, они воспринимаются как нечто непривычное, нетрадиционное и не входят в языковой узус.

Естественно, что на фоне «словообразовательно грамотных», близких к словообразовательному узусу новообразований будут выделяться те, в которых нарушена сама словообразовательная норма. Такие новообразования лишь частично воспроизводят правила словообразовательного узуса. Так, например, есть основания считать не вполне ненормативным новообразование И. Северянина *байкальчатый* («*байкальчатое озерко*»), поскольку в языке прилагательные с суффиксом *-чат(ый)* обычно не мотивируются именами собственными (в данном случае *Байкал*).

Еще более ненормативными, вероятно, можно считать новообразования, созданные по модели, «изобретенной» самим автором. Например, как ненормативные, можно, вероятно, квалифицировать новообразования И. Северянина *ало́за, крэ́моза* («*Несу фиалки и мимозы, / Алозы, розы и крэмызы...*»). Исходя из контекста, можно предположить, что новообразования *ало́за* и *крэ́моза* созданы по созвучию с присутствующим в том же контексте узуальным словом *мимоза*. В слове *мимоза* *-оз-* – это часть корня, Северянин же, создав каскад окказионализмов (термин Е.А. Земской) с финалью *-оз(а)* практически превращает *-оз-* в суффикс (даже узуальное слово *роза* в данном контексте начинает восприниматься не просто как название цветка, а как «розовая роза», *р-оз(а)*).

Принадлежность к речи

Любой индивидуально-авторский неологизм – это прежде всего продукт речетворческого процесса, «живущий» в речевых произведениях. Конечно, автор, мастер слова использует ресурсы языковой системы, но на их основе, даже не выходя за рамки языковых норм, создает нечто новое. Это касается не только авторских

неологизмов, но и функционирования разных языковых подсистем в тексте.

Синхронно-диахронная диффузность – один из важнейших признаков авторских неологизмов. По мнению Н.В. Бабенко это признак одномоментности. Однако более развернутая и четкая характеристика этого признака дана в монографии А.Г. Лыкова «Современная русская лексикология (русское окказиональное слово)», в которой ученый говорит о специфическом положении авторского неологизма на синхронной и диахронной осях координат языковой системы. С одной стороны, авторский неологизм синхронен, поскольку он вовлечен в семантические и грамматические связи с окружающими его словами в рамках предложения/высказывания и – шире – текста. Мы, читатели/слушатели, даже впервые увидев или услышав в тексте такое слово, как правило, понимаем его. С другой стороны, авторский неологизм диахронен, поскольку он рождается, как и производное слово, благодаря линейным процессам, лежащим на временной оси. Мы можем определить от чего и с помощью чего образовано слово, выполнить его словообразовательный анализ, например: *негативить-ся* ← *негатив*, *влажь* ← *влажный*. Специфика авторских неологизмов заключается в том, что синхронное и диахронное заложено в них одновременно: сам факт их создания совпадает с фактом их существования. Как следствие, такие слова просто обречены на постоянную новизну. Так, например, у Ф.И. Тютчева в стихотворении «Весенняя гроза» мы можем встретить авторский неологизм *громкокипящий*:

*Ты скажешь: ветреная Геба,
Кормя Зевесова орла,
Громкокипящий кубок с неба,
Смеясь, на землю пролила.*

Этим строчкам почти два века, но авторский неологизм *громкокипящий* по-прежнему воспринимается как новый, свежий и непривычный.

Итак, авторский неологизм характеризуется определенным набором признаков, которые в целом дают четкое представление о его

специфике, но в конкретных случаях могут проявляться не все и не в полной мере.

§ 4. АВТОРСКИЙ НЕОЛОГИЗМ В ЕГО ОТНОШЕНИИ К ЯЗЫКОВЫМ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫМ СТАНДАРТАМ

Перед исследователем авторских неологизмов всегда будет вставать вопрос о том, как он образован и как соотносится с языковыми стандартами, т.е. нормами, «образцами», с языковым узусом.

На то, что авторские неологизмы с этой точки зрения неоднородны, ученые обратили внимание уже давно, практически начиная с первых работ, посвященных изучению этого явления. Однако соотношения системно-языкового и индивидуально-авторского в конкретных неузусных словах может быть настолько различными, что иной раз бывает сложно найти тому или иному авторскому неологизму место в классификации. На сегодняшний день можно говорить о том, что в науке сложилось несколько точек зрения по данному вопросу.

I. Деление неузусных слов на потенциальные и окказиональные слова (потенциализмы или окказионализмы).

Такая классификация, безусловно, работает, но на практике, как только мы сталкиваемся с конкретными примерами авторских неологизмов, оказывается, что границы между потенциальными и окказиональными словами размыты, диффузны: анализируя фактический материал, мы обязательно найдем немало случаев, когда авторский неологизм будет восприниматься уже не как потенциальное слово, но еще не окказиональное. Это будет касаться тех, например, случаев, когда авторский неологизм, созданный по высокопродуктивному типу, будет иметь какие-то отклонения от него (например, семантические). Следовательно, в классификацию должны быть внесены некие промежуточные случаи «более» или «менее» потенциальных, «более» или «менее» окказиональных слов. По справедливому замечанию Э.П. Кадькаловой, «...если, не ограничиваясь

общими определениями, не уходить от конкретики, то нельзя будет не признать, что грани между словами потенциальными (не вошедшими в лексический узус, но “нормативными” с точки зрения правил словопроизводства) и окказиональными (тоже не вошедшими в лексический узус, но одновременно не отвечающими и требованиям словообразовательного стандарта) в большинстве случаев и сегодня расставляются на основе интуиции исследователей, поскольку во многих случаях неизвестными остаются сами словообразовательные стандарты» [Кадькалова 207: 201].

II. Классификация по степени окказиональности. Такая точка зрения раскрыта в работе А.Г. Лыкова «Современная русская лексикология». Исследователь исходит из того, что разные авторские неологизмы неодинаково соотносятся с языковыми словообразовательными стандартами, но эта их разность не ограничивается только потенциальными и окказиональными словами.

Распределение авторских неологизмов по степеням окказиональности было предпринято и в нашей исследовательской работе [см. Хромова 2007], где предлагалось ввести следующие степени окказиональности.

1. Потенциальные слова, то есть авторские неологизмы, созданные в соответствии с языковыми словообразовательными моделями (модели эти высокопродуктивны). Новым в таких словах является лишь лексическое наполнение языковой словообразовательной модели. В рамках этого понятия следует различать потенциальные слова, в которых в полной мере реализовались все компоненты модели (например, авторский неологизм *прозный* И. Северянина создан по высокопродуктивной модели образования прилагательных от существительного *проза*), и потенциальные слова – результаты чересступенчатого словообразования (например, у И. Северянина *сарказмно* ← ... ← *сарказм*, где авторский неологизм мотивирован не прилагательным «сарказмный», а сразу существительным).

2. «Околопотенциальные» слова, то есть слова, частично воспроизводящие правила словообразовательного узуса. К ним можно отнести авторские неологизмы, созданные с частичным нарушением модели, носящим структурный или семантический характер. Так,

например, авторский неологизм И. Северянин *цэпий* (*цепь* + *-ий*), безусловно, нарушает словообразовательные стандарты, поскольку в языке притяжательные прилагательные мотивируются одушевленными существительными, а в данном случае непосредственно производящим является неодушевленное существительное.

2. **Окказиональные слова**, то есть авторские неологизмы, условно определяемые как не опирающиеся на языковой словообразовательный узус. например, авторский неологизм И. Северянина *ало́за* можно считать окказиональными, так как свернутое в одно слово словосочетание *алая роза* не укладывается в рамки способа сложения. *-оз(а)* становится чем-то вроде суффикса в ряду «изобретенных» Северяниным слов: *ало́за, бело́за*.

III. Классификация по характеру «образца» для авторского неологизма. С этой точки зрения различают, как минимум, три типа незуальных слов.

1. Незуальное слово, созданное по продуктивному словообразовательному типу.

2. Незуальное слово, созданное по непродуктивному типу.

3. Незуальное слово, созданное по конкретному образцу, или, иначе говоря, посредством «предсказамус-приема» (термин С.В. Ильясовой), который особенно ярко проявляет себя в тех случаях, когда слово-прообраз зафиксировано в ближайшем контексте авторского неологизма. Например, слово *однопалатники* не просто образовано для обозначения пациентов, лежащих в одной палате. При ознакомлении с контекстом становится понятно, что словом-прообразом здесь является название популярной социальной сети «Одноклассники»: *«Однопалатники. Минздравсоцразвития хотело создать медицинскую социальную сеть, но передумало... если <...> выгнать с «Одноклассников» всех одноклассников, можно сделать новехонькую социальную сеть для врачей и пациентов»* (Известия. 12.10.2010)¹

Образование по конкретному образцу становится популярным. Исследования последних лет отмечают возросшую активность создания

¹ Пример взят из статьи С.В. Ильясовой «Олигарх Олигархович, или словотворчества в языке современных СМИ (на материале наименований лиц)» //Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2011. - № 6. – С. 220.

авторских неологизмов такого рода в публицистических и рекламных текстах. При этом, изучая публицистику, ученые обращают внимание на то, как охотно авторы статей помещают такие слова в заголовки. Это неслучайно: заголовок текста является его «сильной позицией». Автору материалов нужно привлечь читателя, а для этого необходим броский заголовок. С развитием Интернет-публицистики необходимость эта возросла еще больше, ведь очень часто в Сети читатель видит не весь текст статьи сразу, а только ее заголовок. Следовательно, заголовок должен побудить его перейти по ссылке к содержанию статьи.

§ 5. О СЛОЖНЫХ И СУФФИКСАЛЬНО-СЛОЖНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ – АВТОРСКИХ НЕОЛОГИЗМАХ

В практике изучения авторских неологизмов некоторые их группы вызывают особые затруднения при анализе, поскольку степень отклонения их от языковых словообразовательных стандартах сложно определить в силу самих особенностей их образования. Едва ли не наибольшие затруднения возникают при анализе сложных и суффиксально-сложных прилагательных: они в основном не фиксируются в словарях (а авторские неологизмы мы чаще всего и определяем по принципу «их нет в словарях»), а границы словообразовательной модели не отличаются большой жесткостью.

Вообще статус сложных слов в дериватологии может быть определен как особый, неоднозначный, что неоднократно отмечалось исследователями языка. Так, например, А.Г. Лыков говорит о том, что «очень зыбкой оказывается... граница, отделяющая сложное слово от словосочетания» [Лыков 1976: 8]. В.С. Юрченко считает, что «в языке существует деривационная цепочка: предложение – словосочетание (атрибутивное) – слово (общее имя)» [Юрченко 1997: 48]. Ю.Г. Кадькалов дополняет эту мысль замечанием о том, что между последним и предпоследним этапом деривационной цепочки можно было бы поместить и сложное слово, поскольку «словосложение... дает возможность сжато, конденсировано, экономно выразить сложное понятие в одном слове» [Кадькалов 1999: 113]. Этот ряд высказываний можно было бы и продолжать, но все они говорят о том, что сложное

слово фактически занимает промежуточное положение между словом и словосочетанием.

Естественно, особый статус сложных слов в языковой системе (в русском словообразовании) будет порождать и неоднозначные толкования сложных слов, «изобретенных» авторами-словотворцами и функционирующих в текстах. При этом сложные слова (и, пожалуй, особенно сложные прилагательные) занимают одно из ведущих мест в «палитре» моделей, используемых в словотворчестве разными авторами. Нередки случаи, когда сложные прилагательные создаются даже теми авторами, которые, казалось бы, вовсе не склонны к словотворчеству. Такие случаи неоднократно цитируются в литературе, например: *широкошумные дубровы* (Пушкин); *о, сколько лиц бесстыдно-бледных, о, сколько лбов широко-медных* (Пушкин); *тяжело-звонкое скаканье* (Пушкин); *...за дверями /Звучно-мерными шагами/ Ходит в тишине ночной /Безответный часовой* (Лермонтов).

Такое положение дел показывает продуктивность модели и, вероятно, легкость в создании по этому «образцу» слов.

Возникает вопрос: как квалифицировать такие слова? Все ли новообразования, созданные по анализируемой модели, одинаковы в своем отношении к языковой системе? Чтобы ответить на этот вопрос, следует, прежде всего, обратиться к данным академических грамматик

«...Сложение (или чистое сложение) – способ образования слов, при котором опорный (последний) компонент равен целому слову, а предшествующий ему компонент (или компоненты) представляет собой чистую основу. В состав словообразовательного форманта при чистом сложении входят: а) интерфейс, указывающий на связь компонентов сложного слова и сигнализирующий об утрате морфологического значения предшествующего компонента; б) закрепленный порядок компонентов; в) единое основное ударение, преимущественно на опорном компоненте: *первоисточник, лесостепь, износостойкий, слепоглухонемой, полуобернуться*. Интерфлекс может быть нулевым: *царь-пушка, грабьярмия* (разг.). Специфическим словообразовательным значением, характерным для чистого сложения, является соединительное значение, сводящееся к объединению значений составляющих сложную основу мотивирующих основ в одно целостное сложное значение.

Прилагательные с сочинительным отношением основ – с двумя или более равноправными по смыслу основами – означают единый признак, являющийся суммой признаков, названных составляющими основами. Основы мотивирующих прилагательных могут быть как немотивированными, так и мотивированными, чаще всего аффиксальными; в качестве одной из основ может выступать основа причастия с адъективным значением: *бело-розовый, слепоглухонемой, торгово-промышленный, советско-монгольский, плодово-ягодный*; нов.: *сушильно-очистительный, счетно-решающий, поисково-спасательный*. Сложения с основами суффиксальных (отсубстантивных и отглагольных) прилагательных, а также причастий, семантически мотивируются также следующим образом: «относящийся в равной степени к предметам или процессам, названным мотивирующими основами образующих» [см. РГ-80].

При анализе фактического материала очень скоро становится понятно, что созданные авторами сложные прилагательные по своей семантике разительно отличаются от нормативных примеров, приведенных в грамматиках. Приведем для сравнения несколько таких сложных слов.

Таблица.

Сложные прилагательные: «образцовые» и созданные авторами-словотворцами

Примеры, взятые из РГ-80	Примеры, взятые из текстов К. Бальмонта и И. Северянина
<i>бело-розовый</i>	<i>желто-огромная (луна) (Бальм.)</i>
<i>торгово-промышленный</i>	<i>радостно-цветные (окна) (Бальм.)</i>
<i>советско-монгольский</i>	<i>странно-красная (мгла) (Бальм.)</i>
<i>глухонемой</i>	<i>Недвижно-золотая (волна волос) (Бальм.)</i>
<i>плодово-ягодный</i>	<i>лиловато-желто-розовый (костер) (Сев.)</i>
	<i>ало-встречное (устремленье) (Сев.)</i>
	<i>влекуще-озерно-лесная (даль) (Сев.)</i>
	<i>бально-больная (душа) (Сев.)</i>

	<i>янтарно-гитарные (пчелы) (Сев.)</i> <i>влажно-певчий (щебет) (Сев.)</i> <i>весенне-соловьиный (Сев.)</i>
--	---

Как видим, в сравнении со сложными прилагательными, квалифицирующимися как канонические, приведенные индивидуально-авторские новообразования имеют свою специфику и по-разному соотносятся с языковыми словообразовательными стандартами.

«Наименее окказиональными» следует, видимо, признать новообразования–сложные прилагательные, в которых выбор основ обусловлен общим признаком (тем самым основы в составе сложного прилагательного делаются равноправными по смыслу). С этой точки зрения вполне нормативны такие, например, новообразования, как: *бледновато-фиалковый (Сев.)*, *изрозо-телесный (Сев.)* – по признаку ‘цвет’; *медно-серебряно-стальной* по признаку ‘металл’.

Мы согласны с мнением А.Г. Лыкова, который квалифицирует такие новообразования как переходные структуры, занимающие промежуточное положение между каноническими и окказиональными словами. В качестве иллюстрации А.Г. Лыков приводит такие сложные качественные имена прилагательные: *насмешливо-беззаботный*, *беззаботно-насмешливый*, *оранжево-красный*, *красно-оранжевый*, *серебристо-зеленый* [см. Лыков 1976: 105].

Однако в словотворчестве К. Бальмонта и И. Северянина таких слов, пожалуй, меньшинство. Чаще всего поэты создают сложные прилагательные, руководствуясь не общим признаком в значении основ, а иными, более сложными по содержанию, принципами. Так, например, уже приведенные выше *ало-встречный* или *радостно-цветной* явно отличаются от *бледновато-фиалковый* или *изрозо-телесный* по признаку смыслового равноправия основ и, скорее всего, будут восприниматься как «более окказиональные».

В академических грамматиках, выстраивающих систему языковых словообразовательных типов, об этом, что вполне естественно, говорится довольно мало: «Для художественной речи характерны сложения сочинительного типа, свободно, без ограничений (разрядка моя – С.С.) составляемые из двух и более прилагательных: *широкошумные дубровы (Пушк.)*, *вопросительно-растерянные*

восклицания (Бунин), *пестро-коричневые крылья* [ястреба] (Бунин), *бело-рыжее месиво распутицы* (Возн.), *осины в лисье-рысьих палантинах* (Март.), *глаза, подернутые нагло-томной пленкой* (В. Катаев), *злобно-бесстыже-хвастливые выходки* (С.-Щ.), *глухо-пепельно-оранжевая туча* (Нагиб.), *красно-бело-зеленый мексиканский флаг* (газ.)».

Возникает вопрос: все-таки насколько «свободно» сочетание основ в сложном прилагательном – результате словотворчества?

Анализ материала показывает, что в составлении основ оба автора используют сходные принципы.

1. «Свободное», «без ограничений» составленное из двух или более основ сложение сочинительного типа: *метрично-колесный* (шум), *скорбно-черный* (лик), *надменно-беспощадный* и *пронзительно-блестящий* (лорнет), *апельсинно-лучезарный* (закат). Замечание о свободе и неограниченности составления основ нам пришлось заключить в кавычки, так как «свобода» эта все же, на наш взгляд, относительна. Такие случаи лишней раз иллюстрируют наличие в тексте «двойной системности» – системности языковой и системности творческой. С точки зрения системы языка многие из таких слов следовало бы, видимо, признать «ненормативными». Так, например, новообразование *метрично-колесный* можно охарактеризовать как «ненормативное», так как основы *метричный* в значении ‘равномерно чередующийся’ и *колесный* в значении ‘относящийся к колесу’ не являются равноправными по смыслу основами, составленными в сложное слово по общему признаку. Однако, вчитываясь в текст, мы понимаем, что в одно сложное слово автор заключил очень емкий по значению, конденсированно выраженный образ, буквально, «слышим» равномерный стук колес.

2. Сталкивание в сложном слове противоположных понятий: *нежно-грубый* (окрик), *отдаленно-приближенный* (свист). Вряд ли можно рассматривать эти слова как «нормативные» с позиций языковой системы, поскольку, по сути дела, авторы составляют вместе слова, которые, в силу полной противоположности лексических значений, не могут стоять вместе, выражать собой единое конденсированное понятие. Тем не менее, в поэтическом тексте и такие слова могут

возникать и закрепляться за определенным контекстом вполне естественно.

3. Сложение основ со сходным фонетическим рисунком: *янтарно-гитарные* (пчелы). Как видим, составляемые основы равноправны здесь не по смыслу, а по фонетическому признаку, что также противоречит языковому словообразовательному стандарту, вследствие чего сложно квалифицировать такие слова как «переходные структуры» между каноническими и окказиональными словами. Однако, как показывает проанализированный материал, оба автора все же создают подобные сложные прилагательные, имея мотивом к словотворчеству не только фонетическое сходство основ. Так, например, в приведенном примере в сложном прилагательном буквально двумя штрихами описан цвет пчелы (*янтарный*), форма ее тела (*гитарный*), сравниваемая автором (И. Северяниным) с музыкальным инструментом, и эта «музыкальность» находит выражение в последующих строчках поэтического текста:

Янтарно-гитарные пчелы

Напевно доили азалии.

Резюмируя, скажем, что сложные прилагательные – результаты индивидуально-авторского словотворчества – с трудом укладываются в принятую шкалу понятия новообразование «потенциальное слово – окказиональное слово» (и еще шире: «неологизм – потенциальное слово – окказиональное слово»), что связано в первую очередь с самой природой сложного слова. Кроме того, именно сложные прилагательные способны вместить в себя в сжатом виде емкие образы, которые в поэтическом тексте вполне уместны и естественны. Однако при раскладке на составляющие основы такие прилагательные могут быть восприняты как ненормативные с точки зрения языковых словообразовательных стандартов. Отграничить же в ходе анализа новообразований–сложных прилагательных собственно словообразовательный аспект от функционального сложно опять-таки в силу особого статуса сложных слов в словообразовании, что приводит к значительным трудностям при их анализе.

§ 6. О МЕТОДИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ ИЗУЧЕНИЯ АВТОРСКИХ НЕОЛОГИЗМОВ

Довольно долгое время обширный научный материал по изучению авторского словопроизводства никак не отражался в школьных учебниках по русскому языку, но за последние несколько лет ситуация изменилась. В связи с этим, на наш взгляд, заслуживает особого внимания такой вопрос, как использование ресурсов индивидуально-авторского словотворчества на уроках русского языка.

Мы уже говорили о том, что авторский неологизм – это явление сложное. Как минимум, мы можем выделить два аспекта его изучения.

1. Стилистический аспект. Основной причиной словотворчества исследователи считают попытки выразить оттенки смыслов и коннотаций. Таким образом, наблюдая за поведением индивидуально-авторского новообразования в тексте, мы выясняем, какую стилистическую функцию оно выполняет.

2. Словообразовательный аспект. Изучение этого аспекта требует внимания к процессам создания авторских неологизмов, и, в первую очередь, к степени их соответствия языковым словообразовательным стандартам. Анализ авторских неологизмов показывает, что среди них есть те, которые: а) созданы по словообразовательным стандартам (в науке их часто называют потенциальные слова); б) созданы с семантическим или структурным нарушением словообразовательной модели (условно их можно назвать «около-потенциальными» словами); в) созданы по окказиональным моделям (окказиональные слова) [см. Хромова 2007: 6-7].

В школьной практике, как уже было сказано, авторские неологизмы еще недавно не рассматривались вообще. Причиной тому отчасти, вероятно, служило то, что авторские неологизмы традиционно считались «нарушителями» языковой системы. Возможно, одной из причин являлась и малоизученность самого явления. Однако в последнее время в учебниках появляются теоретические сведения и практические задания, посвященные словотворчеству.

Для примера возьмем несколько действующих учебников по русскому языку для старших классов. Выбор этот далеко не случаен. Не секрет, что курс «Русский язык» в старших классах призван решить

целый комплекс важных учебных задач, среди них важнейшей является повторение, обобщение и углубление уже полученных знаний о языке. Неудивительно поэтому, что тема индивидуально-авторского словотворчества, обычно не рассматриваемая на уроках русского языка в средних классах, появляется именно в повторительно-обобщающем курсе «Русский язык» в старших классах.

В каком же объеме рассматривается вопрос об индивидуально-авторских новообразованиях в школьных учебниках?

Мы проанализировали три учебника по русскому языку для старших классов, активно используемые учителями-словесниками. Это учебник «Русский язык: грамматика. Текст. Стили речи» А.И. Власенкова и Л.М. Рыбченковой [Власенков, Рыбченкова 2007], «Русский язык. 10-11 классы» В.В. Бабайцевой [Бабайцева 2007] и «Русский язык. 10-11 классы» Н.Г. Гольцовой и И.В. Шамшина [Гольцова, Шамшин 2007].

Анализ учебников показывает, что вопрос об авторских неологизмах затрагивается при изучении двух разделов русского языка: «Лексика», а также «Морфемика и словообразование». Такое распределение материала по разделам вполне логично и закономерно вытекает из обозначенных выше двух аспектов изучения индивидуально-авторского словотворчества.

При изучении лексики русского языка индивидуально-авторские неологизмы, как правило, рассматриваются в теме «Устаревшая лексика и неологизмы». При изучении словообразования к индивидуально-авторским словам обычно обращаются уже после обобщения знаний учащихся о способах словообразования.

Рассмотрим то, как дается этот материал в разных школьных учебниках.

В учебнике «Русский язык. 10-11 классы» Н.Г. Гольцовой и И.В. Шамшина четко разграничиваются языковые и индивидуально-авторские неологизмы. Первые, подчеркивают авторы учебника, постепенно утрачивают свою новизну и становятся частью лексического запаса языка. Вторые являются словотворчеством поэта или писателя и создаются с определенной стилистической целью [см. Гольцова, Шамшин 2007: 28]. В разделе «Морфемика и словообразование» теоретические сведения об авторских неологизмах

уже не даются, но есть упражнение, материалом которого является индивидуально-авторское словотворчество.

Задания, предлагаемые в учебнике, позволяют уяснить назначение авторских неологизмов в художественных текстах, а также увидеть, как создаются такие слова. Всего по теме «Индивидуально-авторское словотворчество» авторами учебника предлагаются три задания. Перечислим их.

Упражнение 40. Из произведений поэтов «серебряного века» выпишите 5-10 примеров индивидуально-авторских неологизмов. Какую стилистическую функцию они выполняют?

Упражнение 41. Всем известные песенки знаменитого Винни-Пуха называются *шумелки, пыхтелки, сопелки, кричалки...* Являются ли эти слова индивидуально-авторскими неологизмами? Какие особенности песенок отражаются в этих словах?

Упражнение 81. Прочитайте предложения, выписывая из них окказиональные слова (индивидуально-авторские неологизмы). Определите способ их образования.

Языковым материалом последнего упражнения являются выдержки из произведений, относящихся, в основном, к Серебряному веку русской поэзии.

В учебнике А.И. Власенкова и Л.М. Рыбченковой сделана попытка развести понятия «неологизм» и «индивидуально-стилистический (индивидуально-авторский) неологизм». К сожалению, авторы учебника изложили теорию несколько невнятно: в учебнике сказано, что «есть неологизмы, созданные писателями» [Власенков, Рыбченкова: 45], но остается неясным, какое место отведено им в лексической системе.

В учебнике В.В. Бабайцевой «Русский язык. 10-11 классы» теоретические сведения об авторских неологизмах отсутствуют, но есть три задания, относящиеся в учебнике к разделу «Словообразование». В упражнении 217 предлагается найти окказионализмы (индивидуально-авторские неологизмы) в предложениях, определить способы их образования и выделить в них морфемы. В упражнении 218 предлагается выписать не менее десяти окказионализмов Вл. Маяковского, определить способ их образования, выделить морфемы и оценить эти окказионализмы (под словом «оценить» вероятно, имелась в виду оценка стилистического эффекта индивидуально-авторских

новообразований). В упражнении 219 предлагается обозначить морфемы в авторских новообразованиях, приведенных в литературе для детей. Также требуется ответить на вопросы: понятны ли эти слова детям и с какой целью используются такие слова

Итак, мы проанализировали сведения об авторских неологизмах, как они даются в разных школьных учебниках. Возникает вопрос: много ли этих сведений или мало? С одной стороны, их, пожалуй, довольно много, учитывая недостаточную изученность индивидуально-авторского словотворчества в науке. С другой стороны, по нашему мнению, уже сейчас ясно, что потенциал индивидуально-авторских новообразований как фактического материала вскрыт не в достаточной мере.

Изучая вопрос «Индивидуально-авторское словотворчество в его отношении к языковому словообразовательному стандарту (на материале произведений К. Бальмонта и И. Северянина)» [Хромова 2007], мы пришли к выводу о том, что в абсолютном своем большинстве индивидуально-авторские новообразования – это, так сказать, «стандартные» слова, то есть слова, не вступающие в конфликт с нормами словопроизводства. Новым во многих индивидуально-авторских новообразованиях является лишь лексическое наполнение, «одежда», которая облекает действующую в языке стандартную словообразовательную модель. Конечно, новообразование непривычно звучит и тем самым деавтоматизирует сознание читателя (слушателя), но, вместе с тем, оно может быть создано абсолютно грамотно с точки зрения словообразовательных стандартов. Думается, именно в силу своей непривычности, с одной стороны, и «грамотности» – с другой, индивидуально-авторские новообразования могут служить оптимальным фактическим материалом при изучении сложных случаев словообразования. Конечно, к отбору языкового материала следует отнестись особенно тщательно, поскольку авторские неологизмы могут быть созданы и с нарушениями словообразовательных стандартов. Поэтому для анализа следует брать лишь те новообразования, которые образуют круг потенциальных слов.

Какие же сложные случаи могут быть прояснены путем анализа индивидуально-авторских новообразований? Расскажем об одном из них.

Практика показывает, что у учащихся неизменно вызывает затруднение словообразовательный анализ слов типа *синь* или *бег*. Дело в том, что, являясь результатом так называемого обратного словообразования, такие производные слова по структуре своей проще, чем слова производящие (соответственно *синий* и *бежать*). Как пишет Н.М. Шанский, «под обратным словообразованием следует понимать такое словопроизводство, посредством которого новое слово образуется от существующего не в виде производного, а в виде производящего. Тем самым возникшая благодаря редеривации лексическая единица выступает уже по отношению к слову, на основе которого она появилась, как нечто более простое по структуре и более раннее хронологически» [Шанский 2005: 291]. Это неизменно вводит учащихся в заблуждение – в течение пяти лет преподавания в школе автор статьи неизменно сталкивался с этой проблемой. Ученики, как правило, считают, что слово *синий* образовано от *синь*, а слово *бежать* от *бег*, поскольку видят, что по структуре производное слово, как правило, сложнее производящего. Учителя обычно предлагают запомнить такие случаи, говоря, что в данных словообразовательных парах производными словами являются существительные, а производящими прилагательные или глаголы. Однако простое заучивание не дает такого эффекта, какой мог бы возникнуть в результате выяснения мотивационных отношений слов в словообразовательной паре. Помочь прояснить эти отношения могли бы индивидуально-авторские слова. Учащиеся быстро понимают, что, например, новообразование И. Северянина *заурядь* образовано от прилагательного *заурядный*, а не наоборот, основываясь на том, что слова *заурядь* «нет в словарях», а слово *заурядный* в словарях зафиксировано. Руководствуясь критерием «привычность / непривычность слова», учащиеся делают вывод о том, что от общеупотребительного (зафиксированного в словарях) «привычного» слова образовано слово «непривычное».

То же можно сказать и о словообразовательных парах *юнь* (Северянин) ← *юный*, *хрупь* ← *хрупкий*. По результатам анализа учащимся делается вывод, что в словообразовательных парах «абстрактное существительное с нулевым суффиксом ← качественное прилагательное (или глагол)» производящим словом является

прилагательное (глагол), а производным – существительное, несмотря на то, что производное слово в таких парах по структуре проще производящего.

Разумеется, анализ авторских неологизмов можно использовать и при изучении других сложных вопросов словообразования. Так, например, на практике нередко бывает сложно отграничить префиксальный и префиксально-суффиксальный способы словообразования. Об этом подробно писал Шанский [Шанский 2005: 279-283], однако способы словообразования в школе обычно даются списком, без подробных указаний на сферу действия каждого из них. Безусловно, авторские неологизмы могут пригодиться и для разъяснения других сложных вопросов словообразования на уроках русского языка в школе.

В заключение хотелось бы сказать, что анализ авторских неологизмов на уроках, посвященных теме «Словообразование», мог бы повысить интерес к изучению языка и привить учащимся навыки исследовательской работы.

ТЕКСТЫ ДЛЯ АНАЛИЗА

Текст 1

И. Северянин

КОГДА ПРИДЕТ КОРАБЛЬ

*Вы оделись вечером кисейно
И в саду стоите у бассейна,
Наблюдая, как лунееет мрамор
И проток дрожит на нем муаром.
Корабли оякорили бухты:
Привезли тропические фрукты,
Привезли узорчатые ткани,
Привезли мечты об океане.
А когда придет бразильский крейсер,
Лейтенант расскажет Вам про гейзер.
И сравнит... но это так интимно!..
Напевая нечто вроде гимна.
Он расскажет о лазори Ганга,
О проказах злых орангутанга,
О циничном африканском танце
И о вечном летуне — «Голландце».
Он покажет Вам альбом Камчатки,
Где еще культура не в зачатке,
Намекнет о нежной дружбе с гейшей,
Умолчав о близости дальнейшей...
За моря мечтой своей зареяв,
Распустив павлиньево свой веер,
Вы к нему прижметесь в теплой дрожи,
Полюбив его еще дорожке...*

Текст 2

Направо от меня – она, тонкая, резкая, упрямо-гибкая, как хлыст, I-330 (вижу теперь ее номер); налево – О, совсем другая, вся из окружностей, с детской складочкой на руке; и с краю нашей четверки

– н известный мне мужской номер -- какой-то дважды изогнутый вроде буквы S. Мы все были разные...

Эта, справа, I-330, перехватила, по-видимому, мой растерянный взгляд – и со вздохом:

- Да... Увы!

В сущности, это «увы» было совершенно уместно. Но опять что-то такое на лице у ней или в голосе...

Я с необычайной для меня резкостью сказал:

- Ничего не увы. Наука растет, и ясно – если не сейчас, так через пятьдесят, сто лет...

- Даже носы у всех...

- Да, носы, - я уже почти кричал. – Раз есть – все равно какое основание для зависти... Раз у меня нос «пуговицей», а у другого...

- Ну, нос-то у вас, пожалуй, даже и «классический», как в старину говорили. А вот руки... Нет, покажите-ка, покажите-ка руки!

Терпеть не могу, когда смотрят на мои руки: все в волосах, лохматые – какой-то нелепый атавизм. Я протянул руку и – по возможности посторонним голосом – сказал:

- Обезьяньи.

Она взглянула на руки, потом на лицо:

- Да это прелюбопытный аккорд, - она прикидывала меня глазами, как на весах, мелькнули опять рожки в углах бровей.

- Он записан на меня, - радостно-розово открыла рот O-90.

Уж лучше бы молчала -- это было совершенно ни к чему. Вообще эта милая O... как бы сказать... у ней неправильно рассчитана скорость языка, секундная скорость языка должна быть всегда немного меньше секундной скорости мысли, а уже никак не наоборот.

В конце проспекта, на аккумуляторной башне, колокол гулко бил 17. Личный час кончился. I-330 уходила вместе с тем S-образным мужским номером. У него такое внушающее почтение и, теперь вижу, как будто даже знакомое лицо. Где-нибудь встречал его – сейчас не вспомню.

На прощание I -- все так же иксово - усмехнулась мне. (Е. Замятин «Мы».)

Текст 3

15 лет назад по стране разъезжали и кривлялись под фонограмму (по словам Андрея Разина) 20 коллективов с названием «Ласковый май». Сегодня (с его же слов) «Россию прочесывают» 8 групп с таким же названием и «ласковомайским» же репертуаром (АиФ, 2003, № 8).

Текст 4

Итак, 9 июня наши дети пойдут сдавать ЕГЭ по математике уже не пробно, а окончательно. Главная забота родителей – чтобы их чадо не объЕГЭрило (КП. 13.05.03).

Текст 5

– Ой, горе! – громче прежнего взвыла старушка, со следующего слова окончательно перейдя на язык танков и бронетранспортеров.

– Надо у соседей спросить! – посоветовал Алехандро.

Он поднялся по лестнице следом за мной и теперь стоял на площадке между этажами, рассматривая бронетанковую старушку с уважительным интересом.

– «Скорая» приезжала, правда? – неприятно удивился интеллигентного вида мужчина, с большим трудом извлеченный нами из недр соседней квартиры. – А к кому? Знаете, я ничего необычного не слышал!

– И это неудивительно, – пробормотал Алехандро, глазами показав мне на бронебабушку, по-прежнему производящую шумы, которые, по всей видимости, были здесь как раз обычными (Е. Логунова «На сеновал с Зевсом»).

Текст 6

*По стеклу ползет, как слизень,
тусклый дождь. И кто в ответе,
Что единственную жиз(е)нь
растранжирил на две трети?
Продремал, проговорил,
прокутил, проволочился.
Все ошибки повторил.*

Ничему не научился.

(Е. Лукин)

Текст 7

Россия заобладала большим международным авторитетом, что подкреплялось поднятием военной мощи, очевидностью полной свободы слова и других гражданских свобод, успехами наших спортсменов и футболистов, развитием автомобильной и особенно велосипедной отраслей, глобальным завоеванием мирового рынка товарами лайт-промышленности, миропризнанием наших очевидных достижений в области литературы и кино. Россия не только поднялась с колен, как говорили некоторые, но вытянулась во весь рост. (А. Слаповский «Победительница».)

Текст 8.

На другой день поехали государь с Платовым в кунсткамеры. Больше государь никого из русских с собою не взял, потому что карету им подали двухсестную.

Приезжают в пребольшое здание — подъезд неописанный, коридоры до бесконечности, а комнаты одна в одну, и, наконец, в самом главном зале разные громадные бюстры, и посредине под валдахином стоит Аболон полведерский.

Государь оглядывается на Платова: очень ли он удивлен и на что смотрит; а тот идет глаза опустивши, как будто ничего не видит, — только из усов кольца вьет.

Англичане сразу стали показывать разные удивления и пояснять, что к чему у них приновлено для военных обстоятельств: буреметры морские, мерблюзьи мантоны пеших полков, а для конницы смолевые непромокабли. Государь на все это радуется, все кажется ему очень хорошо, а Платов держит свою ажидацию, что для него все ничего не значит.

Государь говорит:

— Как это возможно — отчего в тебе такое бесчувствие? Неужто тебе здесь ничто не удивительно?

А Платов отвечает:

— Мне здесь то одно удивительно, что мои донцы-молодцы без всего этого воевали и дванадесять язык прогнали.

Государь говорит:

— Это безрассудок.

Платов отвечает:

— Не знаю, к чему отнести, но спорить не смею и должен молчать.

А англичане, видя между государя такую перемолвку, сейчас подвели его к самому Аболону полведерскому и берут у того из одной руки Мортимерово ружье, а из другой пистолю.

— Вот, — говорят, — какая у нас производительность, — и подают ружье.

Государь на Мортимерово ружье посмотрел спокойно, потому что у него такие в Царском Селе есть, а они потом дают ему пистолю и говорят:

— Это пистоля неизвестного, неподражаемого мастерства — ее наш адмирал у разбойничьего атамана в Канделабрии из-за пояса выдернул.

Государь взглянул на пистолю и наглядеться не может.

Взахался ужасно.

— Ах, ах, ах, — говорит, — как это так... как это даже можно так тонко сделать! — И к Платову по-русски оборачивается и говорит: — Вот если бы у меня был хотя один такой мастер в России, так я бы этим весьма счастливый был и гордился, а того мастера сейчас же благородным бы сделал.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Бабайцева В.В.* Русский язык. 10-11 кл. М., 2007 (и др. издания).
- Бабенко Н.Г.* Окказиональное в художественном тексте. Структурно-семантический анализ. – Калининград, 1997.
- Бакина М.А.* Потенциальные слова, мотивированные прилагательными, в современной поэзии // Слово в русской советской поэзии. – М.: Наука, 1975. – С. 132-163.
- Болотнова Н.С.* Филологический анализ текста. – М.: Флинта: Наука, 2007.
- Власенков А.И., Рыбченкова Л.М.* Русский язык: грамматика. Текст. Стили речи: учеб. Для 10-11 кл. М., 2014.
- Гольцова Н.Г.* Окказиональность слова и окказиональность фразеологизма // Русский язык в школе. – 1993. – № 3. – С. 81-86.
- Гольцова Н.Г., Шамшин И.В.* Русский язык. 10-11 классы. М., 2013.
- Земская Е.А.* Понятия производности, оформленности и членимости основ // Развитие словообразования русского языка. – М., 1966. С. 3-12.
- Земская Е.А.* Словообразование как деятельность. – М.: Наука, 1992.
- Земская Е.А.* Активные процессы современного словопроизводства // Русский язык конца XX столетия. 1985-1995. – М., 1996.
- Кадькалов Ю.Г.* Проблемы сложного слова // Предложение и слово: Доклады и сообщения международной научной конференции, посвященной памяти профессора В.С. Юрченко. – Саратов, 1999. – С. 112-121.
- Кадькалова Э.П., Кадькалов Ю.Г.* Из истории науки о русском словообразовании (от М.В. Ломоносова). – Саратов: ИЦ «Наука», 2009.
- Кадькалова Э.П.* К изучению законов словопроизводства: Агентивные глаголы в русском языке. – Саратов: Издательский центр «Наука», 2007.
- Кожина М.Н.* Стилистика русского языка. – М., 1977.
- Комлева М.Н.* Окказиональное слово в языке печатных СМИ новейшего времени: модели и функции: дис ... канд. филол наук. – Самара, 2013.
- Костомаров В.Г.* Языковой вкус эпохи: Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. – СПб: ЗЛАТОУСТ, 1999.
- Лопатин В.В.* Рождение слова. Неологизмы и окказиональные образования. – М.: Наука, 1973.

Лотман М.Ю. Текст о тексте /Ю. Лотман. Об искусстве. – СПб: «Искусство – СПб», 1998.

Лыков А.Г. Современная русская лексикология (русское окказиональное слово). – М., 1976.

Ляпон М.В. Антинорма и идионорма (интуитивная лингвистика стилесозидающего субъекта) //Русский язык сегодня. Вып. 4. Проблемы языковой нормы. Сб. статей /Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН. – М., 2006. – С. 342-351.

РГ-80 – Грамматика русского языка. В 2-х томах. Т. 1. Фонетика. Морфемика. Словообразование. <http://rusgram/narod.ru>.

Национальный корпус русского языка. <http://www.ruscorpora.ru>

Ревзина О.Г. Окказиональное слово в поэтическом языке // Словарь поэтического языка Марины Цветаевой. В 4-х т. Т.2. /Сост. И.Ю. Белякова, И.П. Оловяникова, О.Г. Ревзина. – М., 1998.

Сиротинина О.Б. Узуальная норма и ее роль в развитии языка // Русский язык сегодня. Вып. 4. Проблемы языковой нормы. Сб. статей /Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН. – М., 2006. – С. 490-499.

Смирницкий А.И. Объективность существования языка. – М., 1954.

Улуханов И.С. Окказиональные чистые способы словообразования в современном русском языке //Известия Академии наук. Серия языка и литературы. – 1992. – № 1.

Улуханов И.С. Окказиональные смешанные способы словообразования в современном русском языке //Известия Академии наук. Серия языка и литературы. – 1992. – № 3.

Улуханов И.С. Единицы словообразовательной системы языка и их лексическая реализация. – М., 1996.

Фельдман Н.И. Окказиональные слова и лексикография //Вопросы языкознания. – 1957. – № 4. – С. 64-73.

Ханпира Э. Об окказиональном слове и окказиональном словообразовании //Развитие словообразования современного русского языка. – М., 1966. С. – 153-166.

Хромова С.А. К вопросу о связи словотворчества с жанром художественного произведения // Предложение и слово: Межвузовский сборник научных трудов. – Саратов: Изд-во СГУ, 2006. – С. 535-538.

Хромова С.А. Индивидуально-авторское словотворчество в его отношении к языковому словообразовательному стандарту (На материале произведений К. Бальмонта и И. Северянина): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Саратов, 2007.

Хромова С.А. Индивидуально-авторское словотворчество в контексте нормативных вкусов творца слова (на материале произведений К. Бальмонта) // Слово и текст в культурном сознании эпохи: Сборник научных трудов. Часть 5 /Отв. редактор Г.В. Судаков. – Вологда: Легия, 2010а. С. 258-263. – [2010а].

Хромова С.А. Потенциальное и окказиональное в новообразованиях–сложных прилагательных //Развитие словообразовательной и лексической системы русского языка: Материалы IV Международного научного семинара, 14-16 октября, Саратов. – Саратов: Изд-во СГУ, 2010. С. ... – [2010 б]. Не знаю номеров страниц в сборнике

Хромова С.А. Индивидуально-авторское словотворчество в прозаическом и поэтическом тексте (На материале произведений К. Бальмонта и И. Северянина) //Язык как система и деятельность-2. Материалы Международной научной конференции. – Ростов/нД, 2010. – С. 115-116. – [2010в].

Шанский Н.М. Очерки по русскому словообразованию. М., 2005.

Шанский Н.М. Лексикология современного русского языка / Предисл. Т.А. Бобровой. Изд. 3-е, перераб. – М.: Издательство ЛКИ, 2007.

Шанский Н.М. Лексическая деривация в русском языке // Н.М. Шанский. Лексикология современного русского языка. Изд. 3-е, перераб. – М.: Издательство ЛКИ, 2007. – С. 225-236.

Шведова Н.Ю. К вопросу об общенародном и индивидуальном в языке писателя //Вопросы языкознания. – 1952. – № 2.

Щерба Л.В. Очередные проблемы языковедения // Известия АН СССР. Отделение литературы. и языка, , т. IV, вып. 5, М., 1945.

Щерба Л.В. Опыты лингвистического толкования стихотворений //Л.В. Щерба. Избранные работы по русскому языку. – М.: Учпедгиз, 1957. – С. 97-109.

Юрченко В.С. Предложение и слово: Проблема их соотношения в лингвофилософском плане. – Саратов, 1997.

Язык образования и образование языка : Материалы международной научной конференции (Великий Новгород, 11-13 июня 2000 года). – Великий Новгород: изд-во НовГУ, 2000.

Янко-Триницкая Н.А. Закономерность связей словообразовательного и лексического значений в производных словах //Развитие современного русского языка. – М., 1963. – С. 83-97.

САРАТОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ имени Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО